

Научная жизнь

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК И ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИИ

Т.А. Халилов

Научный журнал

«Историческая и социально-образовательная мысль»

Аннотация: Публикуемый материал представляет собой информационно-аналитический отчёт о Всероссийской научной конференции «Политический порядок и проблема идеологии», состоявшейся 18–19 мая 2017 года в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону, Россия). На научном мероприятии была осуществлена попытка анализа культа государства и социального порядка (В.П. Макаренко); пост-истины как выражения информационного цинизма в политике (К.М. Цвынар); политико-идеологических последствий рентной трансформации социальной структуры российского общества (В.С. Мартьянов); идеологических потребностей российской элиты (Л.Г. Фишман); массового сознания и символической политики (И.Б. Фан); праворадикальных идеологем в студенческом сознании (С.П. Поцелуев, М.С. Константинов), концептуализации основного политического раскола между «почвенниками» и «западниками» (Я.Ю. Старцев); субъектов, режимов и эффектов институционализации политического порядка постсоветской России (Т.А. Халилов) и т. д. Также в рамках научной конференции состоялась презентация монографий и журналов Института философии и права Уральского отделения РАН.

Ключевые слова: политический порядок, политическая идеология, русская власть, бюрократическое государство, политическое отчуждение, политический язык, правила игры.

Современная российская политическая действительность обозначается множеством гибридных, фрагментарных, архаичных характеристик. Так, например, неэффективность стратегических проектов развития может быть объяснена инерционностью бюрократического государства [См.: Гребер 2016]; воспроизводство социального неравенства может быть зафиксировано как проявление сословности российского общества [См.: Кордонский 2008]; высокие показатели благосостояния граждан объясняются ренто-ориентированным поведением ключевых игроков экономической системы [См.: Аджемоглу, Робинсон 2016]; коррупционный формат политико-экономических взаимодействий сопряжён с высокими издержками публичных формализованных практик [См.: Халилов 2016а] и кризисом структур доверия [См.: Хоскинг 2012] и т. д. Экспертно-аналитической проработке этих и многих других научных сюжетов была посвящена Всероссийская научная конференция «Политический порядок

и проблема идеологии», состоявшаяся 18–19 мая 2017 года в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Конференцию открыл док. полит. наук, док. филос. наук, проф. В.П. Макаренко (Южный федеральный университет, Россия) с докладом на тему «Культ государства и социальный порядок: основная проблематика и позиция исследователя». Концептологический анализ заявленной научной проблемы предполагал детальную проработку следующих важнейших аспектов: соотношение социальных и политических ценностей; политический язык, культ государства и социального порядка; политическое отчуждение; кумуляция господства на протяжении истории Московского царства, Российской империи и СССР.

Рассуждая о соотношении социальных и политических ценностей, В.П. Макаренко высказал крайне важные суждения по поводу теории политических объектов и типов политического мышления, которая предполагает симбиоз концепций рациональности, философии науки и теории языка. На данный момент подобного аналитического конструкта в науке не существует. Соответственно, ни одна идеология не может претендовать на роль образца для подражания и практического воплощения. Все идеологии при описании природы политического воображения не проводят различие имён и дескрипций. Возникшие на основе такого воображения проекты политического управления и переустройства общества ложны или к ним неприменимы классические и релятивистские критерии истины и лжи. Вытекающие из этих проектов теории пренебрегают проблемой адекватного описания социополитической реальности.

Политическая и властно-управленческая деятельность не создают материальных и духовных ценностей, а в лучшем случае их распределяют. Однако критерии справедливого распределения были и останутся дискуссионными. Взамен постоянного обсуждения данных критериев политическая и властно-управленческая деятельность претендует на главную роль в обществе и способствуют этатизации социально-политической мысли. Для критики данной тенденции требуется такое описание всех социальных конфликтов, которое было бы свободно от материальных, политических и идеологических интересов, т. е. от любых форм связи власти с собственностью и идеологией. Осуществить эту задачу крайне сложно, поскольку требуется отрыв сознания от институционализированных социальных и политических форм, а также от иллюзорных форм отражения действительности. В этом смысле антиэтатистская методология может быть только тотальной. Ее состав определяется совокупностью конфликтов социально-политического бытия.

Также В.П. Макаренко в докладе акцентировал свое внимание на антиэтатистской методологии, связанной с политическим идеалом, который в целом не тождествен ни самой идее государства, ни реально существующим государственным проектам, ни способам распределения власти в данных макроинститутах, ни этатистским политическим концепциям. Совершенно очевидно, что любое взаимодействие власти с собственностью и идеологией в процессе создания подобного идеала квалифицируется в качестве отрицательной ценности. В состоявшихся государствах власть достаточно неподвижна, а собственность и идеология конституируют данное статичное положение. Соответственно, проекты переустройства общества либерального, консервативного, социалистического и т. д. типа достаточно уязвимы в силу указанных связей и потому являются различными модуляциями квази-политики.

В работе конференции в режиме Skype-связи приняли участие коллеги из Польши. Оживлённую дискуссию вызвал доклад док. гуман. наук, адъюнкт проф. К.М. Цвынар (Жешовский университет, Польша) на тему «Пост-истина как выражение информационного цинизма в политике». По мнению эксперта, пост-истина — это категория, которая является продуктом практического мышления и сводится к формулировке суждений, для кого-то по-

лезных и представляемых в качестве правдоподобных и даже истинных. Такого типа суждения по содержанию могут быть полностью ложными (быть ложью), но по способу выражения они приобретают форму истинностных суждений. Но они только похожи на истинностные суждения и как таковые являются квази-истинами.

В современном языке медийной коммуникации «пост-истина» принадлежит к направлению связей с общественностью (Public Relations). Более того, вполне можно полагать, что, подобно тому как в рамках постмодернистского «новояза» слово «пропаганда» заменено понятием «PR», так и понятие «пост-истина» заменяет понятие «ложь». Стало быть, пост-истина — это сформированное на почве постмодернистского мышления или, точнее, так называемого «социального прагматизма», новое понятие, которое служит для камуфляжа цинично используемой лжи в целях обоснования предпринимаемых действий, которые сводятся к манипуляции обществом.

К.М. Цвынар полагает, что техники манипуляции, которые используются СМИ, генерируют зависимость потребителей от СМИ. Такой эффект достигается путём включения граждан в мнимые социальные и политические действия, посредством их эмоциональной ангажированности, а также переживания медиальных событий, сообщаемых в виде репортажа или интервенционно-следящих программ и придания им значимого ранга. С точки зрения потребителя возникает предрассудок, согласно которому их обзор, а также текущая информация (пресса, радио, ТВ, Интернет, твиттер- и фейсбук-аккаунты политиков) дают более полный образ действительности и даже участие в социально-политической жизни. С точки зрения производителя речь идёт скорее о пассивном ангажировании потребителей, пассивном наблюдении «действительности» и тем самым отказе от действия (например, от протестов). При этом потребители, находящиеся в зависимости от современных информационно-коммуникативных техник, оказываются в состоянии пассивности не только в сфере публичной жизни, но и социально (межчеловеческих контактов). Это, по мнению докладчика, способствует преобразованию общества как сообщества сознательно организованных граждан в массу незаметно управляемых индивидов.

В совместном докладе д.полит.н., проф. С.П. Поцелуева и к.полит.н. доц. М.С. Константинова (Южный федеральный университет, Россия) на тему «Концептуально-когнитивистский подход к исследованию живых идеологий: случай правого радикализма» были представлены результаты политико-социологического исследования праворадикальных установок в сознании студенческой молодёжи Ростовской области, проведённого при поддержке РГНФ в 2014–2016 гг. научным коллективом, в который вошли учёные из Южного научного центра РАН и Южного федерального университета. Теоретико-методологическими основаниями данного исследования выступили следующие концепции: понятие «смутной идеологемы» М.М. Бахтина, понятие «плавающих означающих» С. Жижека, понятия «родового фашизма» и «группускулярной правой» Р. Гриффина, дискурсивно-когнитивный подход к идеологии Т. ван Дейка, а также концептно-морфологический подход М. Фридена, предполагающий анализ динамических отношений и связей между ядерными, смежными и периферийными концептами в структуре идеологий. Как отметили авторы доклада, существующая традиция социологических исследований праворадикальных установок в массовом сознании (несмотря на важность и значимость получаемых в её рамках результатов) имеет один существенный недостаток: она обычно фиксирует только те установки, которые осознаёт сам индивид, и не способна изучать пограничные праворадикальные концепты, мигрирующие из других идеологий. Кроме того, «трудноуловимость» правого радикализма объясняется также культурно-исторической спецификой российского общества: идеи и ценности фашизма в России являются социально порицаемыми, поэтому отечественный правый радикализм предпочитает либо мимикрировать под более «респектабельные» идеологии, либо

пытаться создавать оригинальные и «самобытные» идеологические системы. Соответственно, в социологических опросах отечественные респонденты предпочитают давать социально одобряемые ответы на «подозрительные» вопросы из праворадикальной сферы. В современной социологии различные аспекты этого эффекта нашли отражение в теориях «спирали молчания» [Нозль-Нойман 1996] и «фальсификации предпочтений» [Kuran 1997]. Эта проблема осложняется пресловутой «гибкостью» — концептуальной размытостью и эклектичностью — правого радикализма, нередко способного сочетать несовместимые идеи. Перечисленными соображениями объясняется тот факт, что основной исследовательский интерес научного коллектива был направлен на изучение периферии правого радикализма и её репрезентации в студенческом сознании. Исследование проводилось в несколько этапов и состояло из групповых интервью, анкетированного опроса и фокус-групп. Опрос проводился в 2015 г. в пяти вузах Ростова-на-Дону: Южном федеральном университете, Ростовском государственном университете путей сообщения, Южно-Российском институте — филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Донском государственном аграрном университете, Донском государственном техническом университете. Выборка составила 718 чел. (350 юношей и 368 девушек). Одним из самых важных результатов исследования авторы считают то, что несмотря на относительно малое количество респондентов, сознательно идентифицировавших себя с правым радикализмом (4,8 % от генеральной совокупности), удалось выявить достаточно большую группу студентов, идентифицировавших себя с другими идеологиями, но разделяющих те или иные праворадикальные ценности. Как полагают авторы доклада, выявленные праворадикальные установки донских студентов обладают значительным мобилизационным потенциалом (20–25 % от числа всех студентов университетов Ростовской области). При определённых (кризисных) обстоятельствах праворадикальные идеологические конструкты могут притянуть к себе носителей соответствующих идеологем, которые вольно или невольно превратятся в союзников и участников праворадикальных движений. Иначе говоря, существует угроза превращения малочисленной группы правых радикалов в «массовые кристаллы» (Э. Канетти).

С докладом «Рентная трансформация социальной структуры российского общества: политико-идеологические последствия» выступил канд. полит. наук, доц. В.С. Мартьянов (Институт философии и права Уральского отделения РАН, Россия). По его мнению, объявленной целью постсоветского транзита было создание такого общества, в котором доминируют конкурентные рыночные и политические взаимодействия. В ходе серии реформ действительно стали появляться новые экономические классы и политические институты. Однако этот процесс так и не был завершён, обернувшись рентно-сословным откатом, в ходе которого доминирующие механизмы стратификации вновь были перехвачены государством, контролирующим по некоторым оценкам до 70 % российского ВВП. Произошёл транзит без трансформации (по М. Буравому).

Таким образом, утверждает В.С. Мартьянов, в основании политического порядка возникает двойная система распределительных/ рыночных координат, которая лишает его универсальности, воспроизводимости, предсказуемости и прозрачности. Два конкурирующих основания легитимации политического порядка можно рассмотреть в рамках центр-периферийной модели, где её ядро оказывается все интенсивнее пронизано рентно-сословными факторами трансформации и стратегиями управления, в то время как рыночные взаимодействия откатываются на периферию общественных отношений. В результате политический порядок в России оказался пронизан двойными и тройными стандартами, теряя признаки универсальности, прозрачности, предсказуемости и воспроизводимости. В зависимости от разнообразных контекстов любое социальное взаимодействие во многом оказывается непредсказуемым и релятивным. Типовой становится социальная ситуация, в которой правила коммуни-

каций ситуативны, выстраиваются по альтернативным правилам, в зависимости от статусов субъектов, сословной принадлежности, культурного, географического и иных контекстов.

Поэтому двойная система координат, когда «друзьям всё, а остальным закон» не позволяет поддерживать устойчивый политический порядок, рассыпающийся на локальные фрагменты. Так как рентно-сословное государство и элиты разных уровней предъявляют обществу правила игры, которым они сами следовать не собираются, используя лишь маскирующую риторику и институциональную оболочку модернизации. Таким образом, неразрешимым остаётся фундаментальный конфликт, где неопатримониальному меньшинству противостоит все большее количество лишних социальных групп (безработные, прекариат и т. д.), не включённых в рентно-сословные цепочки распределения природных ресурсов. Это ведёт к тому, что в теневом секторе, в экономике выживания (отходничество, натуральное хозяйство, гаражная экономика и т. д.) проистекает трудовая активность до 40 % трудоспособного населения страны, все менее зависимо от иерархического рентно-сословного доступа.

В завершении своего выступления докладчик обозначил следующий сюжет: поскольку в наличествующем случае механизмы обмена ренты на политическую лояльность оказываются приостановлены, полностью или частично лишённые ренты социальные группы все менее заинтересованы в сохранении политического статус-кво. А пребывание в стихии периферийного рынка, компенсируемого лишь неолиберальной риторикой будет мобилизовать социальные группы на изменение подобного порядка, все более далёкого от легитимации базовым современным концептом большинства.

Выступление докт. полит. наук, проф., вед. науч. сотр. Л.Г. Фишмана (Институт философии и права Уральского отделения РАН, Россия) с докладом на тему «Получилось как всегда. Идеологические потребности российской элиты: спрос и предложение» было посвящено описанию и систематизации наиболее ярких характеристик российской официальной идеологии. Идеология правящей государственно-бюрократической корпорации описывается как вторичная по отношению к «буржуазному» оригиналу «идеология победы». Докладчик выявил стратегии бюрократической имитации «буржуазного оригинала», которые на практике выступают как бесперспективный «недонационализм», антиэкстремистский дискурс и «идеология быстрой отчётности».

По мнению Л.Г. Фишмана, «бесперспективный недонационализм» обусловлен спецификой ситуации, в которой находятся правящие элиты современной России. Элиты одновременно остро нуждаются в каком-то аналоге национализма и при этом не могут позволить себе признание фатальной зависимости сколь-нибудь эффективного русского национализма от советского прошлого, в котором как раз и сформировался такой эффективный функциональный аналог западных национализмов. В итоге, по мнению эксперта, по тупиковым панславистским рецептам, конструируется идея «Русского мира», которая фактически доказала свою неэффективность на Украине, столкнувшись с относительно последовательным этническим национализмом.

Во время выступления докладчиком было показано, что в России исходно либеральный антиэкстремистский дискурс, будучи присвоенным правящей бюрократией и в условиях «защищенного» политического поля, превратился в парадигму, в рамках которой любая идеология и политическая сила потенциально опасны для «государства» и «стабильности». Под маской формально победившего либерализма скрывается все тот же бюрократический суверен, который по отношению к остальному обществу и является настоящим победителем.

«Идеология быстрой отчётности» накладывается на привычку правящей номенклатурной бюрократии отчитываться «достижениями», «принятыми мерами» и прочими подобными вещами, которые в пропагандистских целях легко представить как «победы». Поэтому избираются те сферы, в которых, в условиях кризиса, можно какую-нибудь «победу» проде-

монстрировать. Наиболее же эффектными способами принятия мер, демонстрации достижений и побед являются репрессии, запреты и война. Выставление любого действия российской правящей верхушки как очередной «победы» приводит к неустрашимым идеологическим противоречиям, которые возникают при попытках эти взаимоисключающие победы обосновать. Но, накапливаясь, такие победы порождают у все большего числа людей чувство раздражения и озлобленности в силу непонимания, почему все эти победы ударили именно по ним, а также ввиду все более нарастающего понимания, что всякий может оказаться непременно в чем-то виноватым.

В конечном счёте, под покровом эклектичной официальной «идеологии победы» обнаруживается подобие «общественного договора» в его гоббсовской версии: если вы согласились с существованием суверена, то придётся его терпеть. Главная цель такой идеологии — обосновать легитимность господства корпоративно-бюрократического суверена над подданными, которая основана на факте единственно значимой победы — победы над ними.

В центре доклада «Массовое сознание и символическая политика: конструкторы и их жертвы» док. полит. наук, доц., вед. науч. сотр. И.Б. Фан (Институт философии и права Уральского отделения РАН, Россия) располагалась проблема выявления причин чрезвычайно ограниченного, специфического осуществления политической модернизации в нынешней России. Наряду с институциональными факторами, по мнению автора, необходимо рассматривать фактор состояния массового сознания, являющегося следствием инерции прошлой культуры и результатом определённой символической политики российского государства. Для массового сознания россиян характерны фрагментарность, архаичность, установки катастрофичности, вне- или аморальности, ненависти, допустимости насилия, социального недоверия, чувства царящей в обществе несправедливости, неверия в возможность улучшения жизни в будущем. Такое сознание является постколониальным, оно сковано мифологемами и идеологемами прошлого, консервативно. Автор выявляет два типа факторов, влияющих на характер массового сознания и специфики модернизации в России: 1. пассивные факторы, складывающиеся в естественно-историческую инерцию культуры; 2. активное конструирование новой государственной идеологии посредством особой символической политики. Первый тип факторов в концепциях множественных модернов (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, Р. Такер) описывается как «имперское наследие». В настоящее время инерция культурных регуляторов состоит в невозможности выйти за рамки традиций советского Модерна, отягчённого путами структур и символов российской империи. Характер «имперского наследия» («имперской культуры») раскрывается с помощью концепции внутренней колонизации А.М. Эткинда [См.: Эткинд 2013]. Имперское наследие является одним из основных компонентов формирования и динамики советской версии модерна. Современный политический режим в России рассматривается и как постимперский, и как посткоммунистический (постсоветский). С другой стороны, в публичной сфере осуществляется активное конструирование государственной идеологии. Это особая символическая политика (политика памяти, «культурная» политика). Во время выступления И.Б. Фан привела достаточное количество примеров конструирования государственной идеологии на основе особого типа консерватизма, рассматривая их элементы (идея «особого пути России», имперский национализм, милитаризм и др.), давая их критику и показывая смысл, социальные функции и политические последствия.

С докладом на тему «Война этики и эстетики: концептуализация основного политического раскола» выступил канд. полит. наук, доц. Я.Ю. Старцев (Институт философии и права Уральского отделения РАН, Россия). По его мнению, современное российское политическое пространство и связанный с ним политический дискурс во многом структурированы вокруг классического противостояния «почвенников» и «западников». Несмотря на внутреннее раз-

нообразии каждого из течений и регулярную переформулировку основных тезисов, эта бинарная оппозиция представляется ключевой для российской политической жизни как в прошлом, так и сегодня: споры «патриотов» и «глобалистов», «ватников» и «креаклов», «совков» и «либерастов» часто противопоставляют друг другу одни и те же группы, независимо от того, является ли предметом дискуссии общий вектор развития страны или частные политические решения. Оба политических течения обладают заметным мобилизационным потенциалом, однако не объединяются друг с другом ни в акциях политического протеста, ни в поддержке официального политического курса, — что, в частности, подтверждает приоритетность этого противостояния по отношению к известному из учебников противостоянию «левых» и «правых», «народа» и «власти», «центра» и «периферии» и к любым другим политическим полюсам.

Исследовательская гипотеза, согласно которой этот политический раскол во многом мотивирован не ценностными различиями, а разными — вплоть до несопоставимости — принципами структурирования коммуникативного пространства и формирующего его коллективного дискурса может быть протестирована методами качественного и количественного контент-анализа. В качестве текстового материала для исследования Я.Ю. Старцевым выбраны 6 блогов лидеров общественного мнения, представляющих оба политических течения, и комментарии к ним: объединение авторских записей в блоге и комментариев должно дать представление именно о структуре формирующегося вокруг них коллективного дискурса, а не об индивидуальной стилистике авторов.

Качественный анализ подтверждает исходное предположение, что «западнические» дискурсивные практики структурированы скорее эстетически, а «почвеннические» — преимущественно этически. Вследствие этого коммуникативные пространства оказываются в значительной степени изолированы друг от друга и взаимонепроницаемы. Количественный анализ на основе частотных семантических моделей выявляет скорее характерологический профиль каждого элемента выборки с точки зрения соотношения дискурсивных практик и политического действия, а также демонстрирует специфичные для каждого элемента способы трактовки разных информационных поводов.

С докладом «Институционализация политического порядка постсоветской России: субъекты, режимы, эффекты» выступил Т.А. Халилов (научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль», Россия). Докладчик продемонстрировал влияние институционализации политического порядка на типологию политических взаимодействий в постсоветской России на примере таких субъектов как государство и бизнес. По его мнению, для политического взаимодействия власти и бизнеса ключевыми категориями анализа становятся «интересы политических субъектов», «ресурсы влияния», «структура политических возможностей». Во многих случаях интересы, лежащие в основе деятельности крупного бизнеса, имеют политический характер или становятся политическими интересами. Это происходит, когда объектом интереса становятся феномены политики (интерес к публичному влиянию либо государственной власти), или интерес направлен не на политическое явление, но для его реализации требуется использование политической власти. Учитывая наличие политического и экономического источников власти, а также существование разновидностей политического взаимодействия, Т.А. Халилов предлагает классификацию форматов взаимодействия государства и бизнеса: «формальное политическое», «неформальное политическое», «формальное экономическое», «неформальное экономическое». Однако сами форматы взаимодействия государства и бизнеса не существуют самостоятельно, автономно и изолированно. Они взаимодействуют друг с другом, создавая институциональные режимы более сложного уровня взаимодействия политической и экономической власти: «плюралистическая демократия», «корпоративный капитализм», «государственный капитализм», «консенсусная

коррупция». Именно данные институциональные порядки описывают многосложность взаимодействия органов государственной власти с бизнес-структурами.

По мнению докладчика, институционализация политического порядка оказывает детерминирующее влияние на тип политического взаимодействия государства и бизнеса в России. Политический порядок характеризует преимущественно организационную и нормативную подсистемы политики, означая совокупность институциональных структур, правил, норм, практик на уровне общества в целом, а не его отдельных сегментарных сообществ. Институционализация политического порядка в масштабах всего общества совершается посредством отбора и регулярного повторения, воспроизводимости общепризнанных практик, правил и норм взаимодействия между сегментами (социальными группами) общества. Институционализация порядка становится успешной вследствие сводимости (компромиссности) интересов сторон политического взаимодействия, единого понимания социокультурных регуляторов: ценностей, ориентаций, установок деятельности. Институциональные практики закрепляют преобладающие способы политического взаимодействия субъектов (органов государственной власти, политических и бизнес-элит, групп интересов, партий и др.), согласуют их групповые интересы в ходе соперничества за власть.

Политический порядок России, по мнению Т.А. Халилова, фрагментирован, то есть в различных сегментах общественной системы и в зависимости от состава взаимодействующих субъектов политики проявляются контрастные практики и правила интеракции. В постсоветской России сосуществует несколько институциональных форматов взаимодействия государства и бизнеса, что обеспечивает воспроизводство «эффекта клетки» [См.: Халилов 2016б].

На конференции также состоялась презентация монографий и журналов Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Россия). В.С. Мартьянов представил научные журналы, выпускаемые Институтом философии права УрО РАН: «Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН» (выходит с 1999 года, входит в ядро РИНЦ и специализируется в области философии, политических наук и права) и междисциплинарный научный журнал «Дискурс-Пи» (выходит с 2001 года, ориентирован на молодых учёных).

Рассказ о свежих, наиболее значимых книгах Института философии и права УрО РАН последних лет включал в себя информацию о многих солидных научных изданиях, однако, мы остановимся на трех, по нашему мнению, наиболее капитальных трудах.

1. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. — М.: Издательство «Весь Мир», 2010. — 256 с.

В центре внимания авторов данной книги — фактор морального коллапса (И. Валлерстайн) изначально присущий капиталистической миросистеме. Этот фактор оказывает серьёзное влияние на моральное и политическое настоящее России. Кроме того распад биполярного мира и возвращение России в капиталистическую миросистему совпали с истощением морального импульса легитимировавшего ее политического проекта Модерна. Авторы рассматривают историю основных современных идеологий, политических теорий и дискурсов как непрерывный поиск путей «идеологического обеспечения» существования людей в условиях забвения базовых внеэкономических общечеловеческих ценностей. Анализу подвергнута нравственная трансформация российского общества, выразившаяся в моральной тупиковости доминирующих политических дискурсов, выдвигаемых российской политической и интеллектуальной элитой. В этих условиях идеологии и утопии, необходимые миру и России для преодоления кризиса, не могут возникнуть без «моральной революции», критерии которой сформулированы в данной полемической работе.

2. *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 334 с.*

Эта книга развивает общую проблематику трансформации современных утопий и идеологий, начатую в «России в поисках утопий...», образуя своеобразную диалогию. Однако если «Россия в поисках утопий...» была выстроена в достаточно оптимистической логике, связанной с производством политических образов более справедливого будущего, то более поздняя «Россия в поисках идеологий...» пронизана пессимистическими ожиданиями и настроениями в идейном поле российской политике 2010-х годов, которые фактически закрывают доступ к изменениям и политическому дискурсу будущего.

Данная монография посвящена идеологии как ключевому социально-политическому регулятору современных обществ, выполняющему функции целеполагания, легитимации политического порядка и обоснования общественной морали. Политические идеологии рассматриваются как фактор достижения общественного согласия в продолжающуюся эпоху глобального Модерна. В научном издании осмысливается общая трансформация идеологий вследствие усложнения социальной реальности и соответствующих изменений в поведении индивидуальных и коллективных политических субъектов. Авторы отвечают на вопрос: существует ли альтернатива идеологии как социальному регулятору в ситуации глобальной пересборки политического? И утверждают, что, пока актуальна современная политическая парадигма, идеологии как социальные регуляторы остаются востребованными.

Проблемы российской идеологической модернизации рассмотрены в тесной связи с глобальными процессами трансформации современных обществ. По мнению авторов, сегодня успешность идеологической модернизации подразумевает следование этически оправданным представлениям о желательном настоящем и будущем не только для отдельных социальных групп и России в целом, но и для человечества как такового.

3. *Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 279 с.*

Коллективная монография посвящена рассмотрению постфордизма как комплексного социального феномена и осмыслению его многообразных проявлений в современном мире. Авторы книги пытаются понять, какие постфордистские практики утвердились в сегодняшних условиях, насколько постфордизм оказывается релевантным как самостоятельная социальная концепция и устойчивым в виде различных социальных взаимодействий. Явление постфордизма помещено в книгу в разные контексты: от развития глобальной экономической системы до трансформации городских пространств и структур повседневности. Особое внимание уделяется специфике постфордистских тенденций в современной России.

Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. 2016. *Почему одни страны богатые, а другие бедные.* — М.: АСТ. — 696 с.

Гребер Д. 2016. *Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии.* — М.: Ад Маргинем Пресс. — 330 с.

Кордонский С.Г. 2008. *Сословная структура постсоветской России.* — М.: Общественное мнение. — 213 с.

Ноэль-Нойман Э. 1996. *Общественное мнение. Открытие спирали молчания.* — М.: Прогресс-Академия; Весь Мир. — 352 с.

Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичев П.Н., Внукова Л.Б., Николаев И.В., Тупаев А.В. 2016. *Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенче-*

ской молодёжи Ростовской области / отв. ред. С.П. Поцелуев. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. — 396 с.

Халилов Т.А. 2016а. Баланс формальных и неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России. — *Власть*. — № 9. — С. 113–116.

Халилов Т.А. 2016б. Политико-экономические источники власти в современной России: размышления над эффектом «клетки». — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 2. — С. 157–163.

Хоскинг Д. 2012. *Доверие: деньги, рынок и общество*. — М.: Московская школа политических исследований. — 80 с.

Эткинд А.М. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. — М.: Новое литературное обозрение. — 448 с.

Kuran T. 1997. Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification. — Cambridge & London: Harvard University Press. — 439 p.